

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.5

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-71-87

Понятие внеинституциональности в рамках сотрудничества ЕС и НАТО

Никита А. Потевский

МГИМО Университет, Москва, Россия, nap11@internet.ru

Аннотация. В статье проведен анализ внеинституционального сотрудничества Европейского союза и НАТО, то, каким образом неформальные механизмы и практики дополняют официальные структуры и процедуры, позволяя обеим организациям более гибко и эффективно реагировать на вызовы безопасности. Раскрываются основные преимущества внеинституционального сотрудничества, включающие, прежде всего, увеличение скорости, гибкости, снижение издержек и обеспечение конфиденциальности. ЕС и НАТО заявляют, что они стремятся к «стратегическому партнерству». Однако существуют потенциальные проблемы, которые могут помешать отношениям между ними. В международном сообществе, столкнувшемся с такими непреодолимыми проблемами, как войны и вооруженные конфликты, международный терроризм, миграционный кризис, современное пиратство, киберпреступность и глобальные обстоятельства непреодолимой силы, важно проследить, насколько эффективным оказывается межорганизационное сотрудничество, в том числе на неформальном уровне.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, трансатлантическое партнерство, внеинституциональность, институциональность, неформальное сотрудничество

Для цитирования: Потевский Н.А. Понятие внеинституциональности в рамках сотрудничества ЕС и НАТО // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 71–87. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-71-87

The notion of extra-institutionalism in the framework of EU – NATO cooperation

Nikita A. Potevskii

MGIMO University, Moscow, Russia, nap@inbox.ru

Abstract. This article analyses European Union-NATO extra-institutional cooperation, how informal mechanisms and practices complement formal structures and procedures, allowing both organisations to respond more flexibly and effectively to security challenges. The main benefits of extra-institutional cooperation are highlighted, including, above all, increased speed, flexibility, reduced costs and confidentiality. The EU and NATO state that they seek a “strategic partnership”. However, there are potential problems that could hinder the relationship between the two. In an international community faced with insurmountable challenges such as war and armed conflict, international terrorism, migration crisis, modern piracy, cybercrime and global acts of God, it is crucial to see how effective inter-organisational cooperation, including at the informal level, is proving to be.

Keywords: European Union, NATO, transatlantic partnership, extra-institutionalism, institutionalism, informal cooperation

For citation: Potevskii, N.A. (2025), “The notion of extra-institutionalism in the framework of EU – NATO cooperation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 71–87, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-71-87

Внеинституциональное сотрудничество НАТО и Европейского союза представляет собой форму взаимодействия и кооперации между этими двумя организациями, которая осуществляется вне установленных формальных рамок и институциональных механизмов. В отличие от официального сотрудничества, которое реализуется на основе установленных процедур, норм и правил, ограничивающих институт, внеинституциональное сотрудничество характеризуется гибкостью и свободой в выборе форм и мер сотрудничества.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей внеинституционального сотрудничества двух межправительственных организаций (НАТО и Европейский союз) и роли такого сотрудничества в развитии устойчивого трансатлантического партнерства.

В работе использовался синтез методов, к ним относятся:

1. *Качественный контент-анализ.* Применяя углубленный качественный контент-анализ, мы попытаемся понять отношения

безопасности между ЕС и НАТО, чтобы прийти к пониманию реальных факторов, влияющих на эти отношения, а также их потенциальных траекторий. Данный метод основывается на систематическом, интерпретационном изучении текстового материала с целью выявления тем, смыслов и моделей коммуникации, часто неявных и контекстуальных. Источниками эмпирических данных для нас служат документы НАТО и ЕС и публикации из открытых источников информации.

2. *Диалектико-исторический метод.* Вопрос о том, сотрудничают или конкурируют ЕС и НАТО друг с другом, является одним из самых давних вопросов в сфере международных отношений. В частности, к нему постоянно возвращались после окончания холодной войны. Хотя вопрос остается более или менее неизменным, ответы на него варьируются в зависимости от развития и трансформаций в международной системе. Это делает весьма актуальным рассмотрение прошлого двух организаций и взаимодействия между ними в разные периоды истории, что очень важно для понимания настоящего и прогнозирования будущего этих межорганизационных отношений.

При раскрытии значения внеинституционального сотрудничества используется методология либерального институционализма, которая имеет общий взгляд на роли формальных и неформальных правил, норм, практик и соглашений, акцентирует внимание на роли международных организаций и сотрудничества для достижения мира и стабильности, рассматривает как формальные и неформальные правила, нормы и процедуры влияют на поведение государств и других акторов на международной арене и утверждает, что международные институты могут смягчать анархию международной системы.

Среди представителей этого направления следует выделить таких исследователей, как П. Димаджо, Р. Кеохан, Дж. Мейер, П. Холл и другие. Неоинституционалистская теория, занимающаяся анализом политики, экономических отношений и социальных взаимодействий, предлагает концептуальную схему, устанавливающую нормы, правила и конструкции идентичности, основанные на институциональных ценностях. Взаимодействие между акторами возникает на основе осознанных решений и рациональных оценок. На начальных этапах процесса вовлеченные лица проводят анализ затрат и выгод, связанных с формированием новых отношений. На более поздних этапах вовлеченные стороны оценивают возможные действия и стратегии других акторов, а также общую выгоду от создания института. С теоретической точки зрения, создание института оправдано только в том случае, если его существование

дает преимущества, которые перевешивают его несуществование или другие имеющиеся альтернативы, и если связанные с ним затраты не превышают потенциальных выгод. Холл и Тейлор [Hall, Taylor 1996, pp. 936–957] характеризуют концепцию акторов, преследующих собственные интересы, как индивидов, обладающих «устойчивым набором предпочтений или склонностей». В контексте их взаимодействия в рамках институтов они утверждают, что поведение этих акторов является «полностью инструментальным», ориентированным исключительно на «максимизацию реализации этих предпочтений». Для рационального институционалиста институты имеют значение, прежде всего потому, что они «обрамляют» стратегическое поведение. С этой точки зрения акторы концептуализируют себя в рамках институтов как «приверженцев правил». Оценивая свои интересы с точки зрения институтов, они, скорее всего, задаются вопросом, будут ли институты способствовать достижению их целей при разумных затратах. Следовательно, общество характеризуется обилием акторов, как отдельных лиц, так и государств, которые воспринимают себя как имеющих определенные цели или ожидания результата.

Философ Э.Я. Баталов [Баталов 2016, с. 6–25] относит Евро-союз к категории институт-субъект, включающей международные интеграционные объединения. Европейский союз представляет собой высший уровень интеграции, то есть политический союз имеет наднациональные элементы. По своей юридической сущности интеграционные объединения сходны с международными межправительственными организациями, но ряд аспектов (например, критерии для членства, процедуры принятия решений и другие) имеют еще более жесткую формулировку.

«Формирование институтов оказывается не чем иным, как конструированием порядка» [Баталов 2016, с. 12], институционализация – это упорядочивание социальной реальности. В свою очередь нарушение институциональности, выход за рамки формальных отношений уменьшает порядок и усиливает хаос в системе, но в то же время позволяет лучше проявиться свободной воле и творчеству. Поэтому неинституциональность (в данном случае неинституциональность является синонимом неформальности и внеинституциональности, и в работе эти термины будут использоваться как взаимозаменяемые) может играть обе роли – конструктивную и деструктивную, то есть, как затруднять функционирование общества, в нашем случае функционирование эффективных членов двух организаций, так и раскрепощать инициативы и способствовать нестандартным и креативным действиям.

К сожалению, у исследователей международных отношений существует мало согласия относительно того, что отличает неинституциональные структуры от институциональных. Часто неформальные институты определяются просто как соглашения, не имеющие обязательной силы (то есть «мягкое право»), или в более широком смысле как соглашения, обеспечиваемые неписаными конвенциями или нормами поведения. В отличие от этого, формальные институты обычно характеризуются тем, что они в той или иной степени легализованы. И как утверждали Дж. Мейер и Б. Роуэн [Meyer, Rowan 1977, pp. 340–363], что организации вынуждены принимать практики или порядки, чтобы добиться большей легитимности и повысить перспективы своего выживания, и что принятие этих практик не связано с каким-либо непосредственным или прямым повышением эффективности. На практике лишь немногие международные соглашения налагают на государства подробные юридические обязательства или делегируют институциональным агентам значительные полномочия по выполнению соглашений или разрешению споров. Однако мы можем рассматривать официальные институты как соглашения и практику, которые устанавливаются в соответствии с правилами и процедурами, признаваемыми в качестве законных в четко определенных контекстах. Такие соглашения, как правило, зафиксированы в подробных документах, определяющих точные обязательства государств-участников [DiMaggio, Powell 1991; Blagden, Thomson 2018, pp. 573–593].

И.А. Истомин [Истомин 2021, с. 79] пишет: «Формальные институты часто расходятся с неформальными и, как правило, результатом становится ослабление первых в пользу вторых. Со временем может произойти корректировка положений в сторону приближения их к реальной практике». И далее автор сообщает на исторических примерах, что формальный и неформальный (реальный) институты сосуществуют параллельно и как дополняют, так и конкурируют друг с другом, т. е. могут действовать неформально в определенных ситуациях.

Неформальные институты или соглашения, напротив, характеризуются низким уровнем легализации. Они, как правило, не учреждаются договором или исполнительной властью, а правила, регулирующие взаимодействие, не являются ни юридически, ни процедурно обязательными для государств. Неформальные соглашения могут быть неписаными. Даже если они записаны, правила и цели в основном излагаются в расплывчатых, общих терминах, что делает их открытыми для широкого толкования. Еще одно различие касается способа принятия решений. Если формальные

институты часто являют собой представительные организации, где проводится официальное голосование и применяется правило большинства, то неформальные институты, как правило, полагаются исключительно на обсуждение и поиск консенсуса без формального голосования.

При концептуализации неформального сотрудничества полезно различать два взгляда [Brie, Stolting 2013, pp. 19–40] на неформальные институты в зависимости от того, как они возникают и каковы их отношения с формальными институтами.

Первая описывает неформальные институты как неотъемлемую часть формальных институтов. Согласно этой точке зрения, неформальные институты представляют собой социальные взаимодействия, которые происходят наряду с формализованными взаимодействиями в международных организациях. Эти неформальные институты (правила, нормы поведения и действия) не формируются и не контролируются акторами сознательно, а возникают эндогенно в результате обменов в рамках формальных структур. Они, как правило, дополняют и укрепляют формальные институты, создавая стимулы для соблюдения формальных правил.

Вторая концепция рассматривает неформальные институты как экзогенные по отношению к формальным институтам. Согласно данной концепции, неформальные институты включают в себя явные правила, нормы и процедуры принятия решений (письменные или неписанные), которые возникают вне официально разрешенных каналов. В отличие от исконных неформальных институтов, этот второй вид неформальных институтов сознательно создается и поддерживается акторами для достижения совместных политических целей.

В контексте сотрудничества Евросоюза и НАТО рассматриваются обе концепции, хотя вторая из них представляет больший интерес. В рамках второй концепции неформальные институты иногда могут возникать рядом с официальными органами принятия решений, чтобы улучшить их функционирование. Примером могут служить действующие в рамках многих международных организаций эксклюзивные «переговорные клубы», где влиятельные государства-члены неофициально обсуждают вопросы до их совместного рассмотрения с другими членами, например, представители США, Великобритании, Франции, Германии и Италии, проводят неофициальные переговоры по вопросам внешней политики ЕС до их вынесения на рассмотрение Совета. Имеют место регулярные обеды и встречи, во время которых представители стран ведут неофициальные дискуссии. Важную роль играют личные отношения между политическими фигурами. Например, стоит

вспомнить регулярные встречи генерального секретаря НАТО и Верховного представителя ЕС¹.

Неформальные институты также могут действовать независимо. В этом случае неформальные структуры могут не дополнять формальные механизмы принятия и реализации решений, а возникать с явной целью обойти или подорвать формальные процессы принятия решений. В качестве примера можно привести коалиции желающих, воевавшие в Ираке и Афганистане. Военные действия этих коалиций не были вспомогательными или дополнительными по отношению к официальным обсуждениям и действиям НАТО. Скорее, эти коалиции представляли собой альтернативные площадки для сотрудничества, которые обходили НАТО стороной [Borgwardt, Nichols 2021].

В той мере, в какой государства полагаются на внеинституциональное сотрудничество, чтобы заменить или обойти официальные ограничения, тем самым уменьшая формальные ограничения на формирование политики, мы можем говорить о «неформализации» сотрудничества. В политической науке неформальные отношения рассматриваются как реальные, а прописанные формальные как нереальные. Процесс изменений неформальных норм и политической культуры происходит медленнее, чем формальных норм.

В дополнение к своему уникальному и историческому значению для безопасности Европейского континента и трансатлантического пространства, взаимодействие между ЕС и НАТО привлекает внимание аналитиков благодаря своей связи с действующими концепциями и теориями в области безопасности. В этой связи важное значение имеют научные статьи профессора Норвежского института международных отношений Нины Грэггер [Graeger 2016, pp. 478–501; Graeger 2017, pp. 340–358; Graeger 2014, pp. 157–179; Graeger, Todd 2015], которая одна из немногих попыталась проанализировать и оценить уровень неформального сотрудничества ЕС и НАТО, в том числе на основе многочисленных проведенных интервью с работниками НАТО и ЕС. Грэггер изучает профессиональное сообщество в ЕС и НАТО и рассматривает роль неформального взаимодействия между сотрудниками этих организаций на разных уровнях, связывая свой практический подход с конструктивистским образом мышления.

В политической науке конструктивистское мышление подчеркивает социальную природу политической реальности, утверждая, что основные элементы международных отношений и полити-

¹ Relations with the European Union. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49217.htm (дата обращения 20.09.2023).

ческой жизни в целом (такие как государства, интересы, идентичности, нормы и институты) не даны изначально, а социально сконструированы в процессе взаимодействия между акторами.

Анализируя сотрудничество НАТО и ЕС, можно сделать следующие выводы: во-первых, растущая зависимость от специального сотрудничества обусловлена системными изменениями в постбиполярной стратегической среде, которые предъявляют более разнообразные и менее предсказуемые требования к военным ресурсам, особенно к ресурсам США, по сравнению с периодом биполярности. Эти изменения породили спрос на гибкие формы сотрудничества, которые позволяют союзникам использовать возможности и опыт третьих стран в каждом конкретном случае; во-вторых, новый стратегический фокус в сочетании с быстрым расширением членства привел к расширению институциональных рамок и полномочий НАТО, а также к усилению централизации принятия решений. Этот процесс «интернационализации» и «институционализации», в свою очередь, привел к тому, что некоторые вопросы оказались за пределами формальных границ Альянса, где институциональные ограничения на принятие решений остаются низкими; в-третьих, конец биполярности еще больше сместил баланс сил среди членов НАТО в пользу США, тем самым уменьшив стимулы Вашингтона к предоставлению институциональных возможностей для высказывания своего мнения или гарантий европейским союзникам. Это усилило склонность США к уклонению от формальных институциональных ограничений НАТО.

Основные преимущества неформального сотрудничества включают скорость, гибкость, низкие затраты и конфиденциальность.

Увеличение скорости и снижение затрат

Часто упоминаемое преимущество неформальных институтов заключается в том, что они быстро и дешево создаются. Официальные переговоры по заключению договоров часто проходят медленно, а их реализация затягивается из-за сложных внутренних процедур ратификации. Неформальные соглашения, напротив, не нуждаются в ратификации или имплементирующем законодательстве и часто могут вступить в силу немедленно. Однако преимущества скорости не объясняют, почему государства иногда предпочитают неформальные институты в качестве основы для международного сотрудничества, а в других случаях выбирают официальные соглашения. Быстрые действия, как правило, благоприятны, особенно при решении вопросов национальной и между-

народной безопасности, которые зачастую носят срочный характер. С.В. Старкин отмечал: «...среди представителей европейской и НАТОвской бюрократии имеется осознание факта, что любую проблему можно решить в рабочем порядке на неформальном уровне. Однако, с другой стороны, без формальных протоколов и отлаженных механизмов на всех уровнях возможно заключение лишь отдельных двусторонних соглашений по принципу *ad hoc*, что, естественно, увеличивает процессуальные сроки их принятия» [Старкин 2013, с. 31].

Более полезным способом осмысления институционального выбора в контексте международного сотрудничества в области безопасности является рассмотрение временных горизонтов. Согласно стандартной теории режимов [Keohane, Nye 1973; Krasner 1983], важной причиной, по которой государства создают международные институты, является снижение транзакционных издержек, связанных с повторным взаимодействием. Формальные институты делают это, собирая и распространяя информацию, интерпретируя и контролируя соблюдение правил и (возможно) заключая дополнительные соглашения. Однако поскольку они не обеспечивают централизованного сбора информации или мониторинга, неформальные институты с меньшей вероятностью могут снизить транзакционные издержки долгосрочного сотрудничества. Более того, расплывчатые, необязательные правила, лежащие в основе неформальных соглашений, могут оставлять возможность для частых переговоров, увеличивая тем самым стоимость переговоров.

Важным преимуществом неформального сотрудничества в условиях, когда уже существуют формальные институциональные структуры, является то, что в нем не обязательно должны участвовать все стороны существующего формального соглашения. Формальные институты, как правило, дают право всем членам участвовать в принятии коллективных решений. Неформальный подход, напротив, позволяет нескольким заинтересованным сторонам начать сотрудничество без консультаций с другими. Это облегчает начало сотрудничества, поскольку можно исключить из сферы влияния лиц, которые могут либо затормозить, либо свести на нет соглашение.

Гибкость и конфиденциальность

Неформальное сотрудничество не только служит инструментом исключения, но и может способствовать выборочному включению в него государств, являющихся третьими сторонами.

Важно отметить, что государства с соответствующими ресурсами можно привлекать на индивидуальной основе, не предлагая им никаких преимуществ, связанных с более постоянным, долгосрочным партнерством. С точки зрения ведущих государств, это может снизить затраты на сторонние платежи, необходимые для содействия сотрудничеству. Определяющей чертой многосторонней договорной организации, такой как НАТО, является то, что она опирается на принципы инклюзивности и недискриминации. Опора на неформальные рамки позволяет ведущим государствам предлагать другим участникам стимулы, учитывающие их индивидуальные оговорки. Подобная стратегия была бы политически затратной в контексте формального договорного режима, поскольку несправедливые условия партнерства противоречили бы преобладающим нормам, подчеркивающим формальное равенство государств-членов.

Формальные институты требуют соблюдения правил и процедур, которые сдерживают обсуждение и принятие решений. Как и в случае с большинством формальных многосторонних организаций, структура процедур принятия решений в НАТО и ЕС в основе своей эгалитарна, институционализируя права всех членов предлагать политику и позволяя более слабым членам блокировать инициативы путем отказа от консенсуса. С другой стороны, неформальные процедуры НАТО и ЕС в значительной степени ориентированы на власть. С точки зрения сильных государств, неформальное сотрудничество позволяет осуществлять контроль в большей степени, чем официальное, так как подвержено меньшим институциональным ограничениям. Это особенно верно, когда государства-члены имеют разнородные предпочтения, что увеличивает риск того, что другие государства сформируют блокирующие коалиции. Поэтому по мере роста разнообразия предпочтений сильные государства могут отдавать приоритет сотрудничеству через неформальные институты, которые с меньшей вероятностью могут быть захвачены более слабыми членами.

Учитывая преимущества неформального сотрудничества, можно задаться вопросом, почему неформальность не является неизменно предпочтительным способом сотрудничества, по крайней мере, для сильных государств. Однако основной существенный недостаток неформальности – дефицит доверия и ограниченная функциональность. Это подтверждает исследователь НАТО Д. Йост, который считает неформальный диалог неплохим вариантом взаимодействия, но перспектива только таких отношений с ограниченной функциональностью, по его мнению, неприемлема [Yost 2007].

Наиболее очевидным объяснением неформализации сотрудничества между членами НАТО являются изменения в глобальной стратегической обстановке в XXI в. с возникновением новых угроз. Окончание биполярного периода выдвинуло на первый план угрозы со стороны несостоявшихся и терпящих бедствие государств, стихийных бедствий, эпидемий и нехватки ресурсов, а также международного терроризма. Стратегическая среда после холодной войны характеризуется не только более широким спектром угроз, но и большим числом потенциальных партнеров по безопасности, поскольку переход к многополярности означает, что у государств появилось больше возможностей для выстраивания отношений [Walt 1987]. Поэтому трансатлантические партнеры будут стремиться к институциональной гибкости, чтобы защитить себя от непредвиденных затрат или неблагоприятных последствий распределения [Lipson 1991, p. 500]. Это означает, что новые кооперативные начинания, скорее всего, будут носить гибкий, необязательный характер.

Помимо стратегической неопределенности, конец биполярности усилил неоднородность предпочтений среди членов НАТО и ЕС. Во время холодной войны сотрудничество в рамках НАТО основывалось на относительно едином восприятии угроз. Как пишет Е.М. Кожокин: «Исчезновение системообразующего противника привело США к некоторой утрате ориентиров, простую дуалистическую схему требовалось заменить не менее обеспечение конфиденциальности понятной и простой» [Кожокин 1997, с. 70]. Современные угрозы же безопасности ощущаются и воспринимаются разными государствами-членами по-разному. Следовательно, единство взглядов и готовность к компромиссу менее вероятны, как показали разногласия по Ираку и Ливии. Кроме того, особое беспокойство у европейских союзников США вызывает администрация нового президента США Д. Трампа, которая осуществляет резкий разворот американской внешней политики на европейском направлении, что не находит понимания у ЕС и европейского сегмента НАТО. Основные тезисы внешней политики Трампа включают: усиление политики изоляционизма, т. е. снижение участия США в европейской безопасности, давление на союзников с требованием увеличить расходы на оборону; угроза или фактический выход США из НАТО или дезактивация их участия в альянсе; резкое сокращение американского военного присутствия в Европе; приоритет двусторонних отношений с отдельными европейскими странами, в ущерб институциональным структурам ЕС и НАТО. Такой курс вызывает обеспокоенность у европейских союзников, так как ставит под сомнение гарантии коллективной безопасности и устойчивость трансатлантической солидарности.

Современные угрозы со стороны несостоявшихся государств и международного терроризма носят более временный и изменчивый характер и не обязательно требуют долгосрочного сотрудничества между вмешивающимися сторонами. Следовательно, существует меньше стимулов для формализации сотрудничества и больше стимулов полагаться на гибкие краткосрочные решения. Кроме того, государства-члены справляются с институциональной сложностью и отсутствием консенсуса путем формирования небольших переговорных клубов и встреч министров стран-членов НАТО с коллегами из стран Евросоюза, которые не входят в НАТО, где вопросы могут обсуждаться неформально для достижения консенсуса, и полного обхода НАТО по вопросам, где формальный консенсус кажется явно недостижимым или где политические и технические институциональные ограничения, связанные с работой под эгидой НАТО, являются невыносимыми [Graeger 2014, pp. 157–179].

В этой связи примечателен кейс Турции, члена НАТО, но не входящей в ЕС, государства с крупнейшей армией в Европе, постоянной опоры натовского режима на континенте. Однако, как заметил еще Т. Атаев [Атаев 1973, с. 222–238], вхождение Турции в НАТО напомнило капитуляцию времен Османской империи, и ряд тех двусторонних соглашений с США предоставлял американцам множество прав в обход меджлиса, что вызывало нескрываемое недовольство консервативных политических кругов Турции. В добавление к этому конфликт Турции и Греции из-за принадлежности Северного Кипра нивелирует старания натовских проамериканских чиновников на сплочении членов Альянса и укреплении гомогенности настроений внутри него. Для обхода конфликта и принятия оперативных решений в дальнейшем развилось внеинституциональное взаимодействие Турции со странами Евросоюза: «Сотрудничество ЕС и НАТО долгое время было заблокировано конфликтом между Турцией, с одной стороны, и Грецией и Кипром – с другой. Возобновление этого партнерства с 2016 г. соответствует предыдущей тенденции, а именно обходу политических блокад на высшем политическом уровне посредством неформального сотрудничества» [Koenig 2018, pp. 3–4]. Турция регулярно взаимодействует с ЕС на уровне премьер-министров в рамках «Трансатлантических мероприятий», однако на уровень министров обороны такое неформальное общение переносить отказывается. Также усилилось число тесных контактов между сотрудниками низшего и среднего звена, обмена информацией или организации совместных семинаров и тренингов [Старкин 2013, с. 26–32].

Бельгия тоже смогла добиться успеха в решении вопроса, который касался некоторых членов Евросоюза, благодаря неформаль-

ному формату взаимодействия: «В период своего премьерства Ги Верховстадт активно занимался организацией диалога между ЕС и НАТО. В январе 2005 г. он выдвинул идею проведения неформальных встреч министров иностранных дел НАТО с участием их коллег из стран, входящих только в Евросоюз. Этот формат диалога прошел апробацию уже в декабре того же года, когда на встрече руководителей МИД упомянутых структур удалось ослабить напряженность в европейско-американских отношениях, возникшую вокруг так называемых секретных тюрем ЦРУ в Европе» [Государства Альпийского региона 2009, с. 371].

В актуальном кризисе на Украине неформальное сотрудничество ЕС и НАТО осуществлялось преимущественно на площадке так называемой Контактной группы по обороне Украины (UDCG), объединения, преследующего определенные цели в оказании военной и финансовой помощи Украине. В UDCG входили страны-члены блока НАТО, Евросоюз и 25 других стран со всех континентов, в дальнейшем к UDCG присоединились новые участники, и их число достигло 57. Однако единогласия среди участников UDCG не было и при администрации Дж. Байдена. Это доказывает, что ЕС и НАТО вынуждены работать вместе по необходимости, чтобы быстро найти решение. Брюссель понимает, что у него нет военного потенциала или способности противостоять России. Такие отношения построены на глубинных разногласиях и проблемах. ЕС осознал, что у него нет ни сил, ни средств для военной конфронтации с Россией из-за Украины. США, как лидер НАТО, опередили всех союзников в оказании помощи Украине. Ни одна из стран ЕС не готова и даже не способна оказать помощь сопоставимого масштаба. Европейцы, лишенные единства и координации, видят в НАТО более сильную (и, следовательно, лучшую) альтернативу. НАТО оказалось лучше подготовлено к противодействию угрозам такого масштаба, чем ЕС, по крайней мере, когда речь идет о формировании единого фронта и координации национальных усилий стран-членов. В то время как Евросоюз не смог выработать единую политику противостояния российской угрозе. В реакции стран-членов ЕС не было единства. НАТО, напротив, сформулировала ответ, которому страны-члены Альянса подчинились, по крайней мере, на уровне дискурса. Кроме того, важную роль играет идентичность НАТО, которая по своей природе – военный альянс с долгой историей, с устоявшимся опытом противодействия угрозам. ЕС, судя по его реакции на продолжающуюся войну в Украине, не обладает характеристиками, которые позволяют международной организации функционировать в качестве успешного военного альянса.

Итак, такие факторы как стратегическая неопределенность, расхождения в предпочтениях, растущие институциональные ограничения и увеличивающийся разрыв в эффективной силе между союзниками подталкивают к неформализации трансатлантического сотрудничества. Это не означает, что сотрудничество НАТО и ЕС утратило свою актуальность. Трансатлантическое партнерство продолжает быть полезным для своих членов как в качестве инструмента координации стратегического планирования и военных действий, так и в качестве источника легитимности союзнической политики в области безопасности. Однако, учитывая растущие институциональные ограничения и снижение стимулов для обеспечения единого фронта перед общей угрозой, в ситуациях, когда предпочтения расходятся, а временные горизонты коротки, подгруппы дееспособных государств, скорее всего, будут действовать автономно. Таким образом, одновременно с процессом «интернационализации» НАТО в XXI в. мы наблюдаем неформализацию некоторых аспектов трансатлантического сотрудничества.

Литература

- Атаев 1973 – *Атаев Т.* США, НАТО и Турция. М.: Прогресс, 1973. 321 с.
- Баталов 2016 – *Баталов Э.Я.* Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 6–25.
- Государства Альпийского региона 2009 – Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / ред. В.Я. Швейцер. М.: Весь мир, 2009. 544 с.
- Истомин 2021 – *Истомин И.А.* Логика поведения государств в международной политике. М.: Наука, 2021. 304 с.
- Кожокин 1997 – *Кожокин Е.М.* В поисках новой философии безопасности // Открытая политика. 1997. № 5. С. 64–72.
- Старкин 2013 – *Старкин С.В.* Сотрудничество ЕС – НАТО: факторы институционального взаимодействия // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. № 4. С. 26–32.
- Blagden, Thomson 2018 – *Blagden D., Thomson C.* A very British national security state: formal and informal institutions in the design of UK security policy // British Journal of Politics and International Relations. 2018. Vol. 20. Iss. 3. P. 573–593.
- Borgwardt, Nichols 2021 – *Rethinking American grand strategy* / ed. by C. Borgwardt, C. McKnight Nichols, A. Nichols Preston. New York: Oxford University Press, 2021. 483 p.
- Brie, Stolting 2013 – *Brie M., Stolting E.* Formal institutions and informal institutional arrangements // International handbook on informal governance / ed. by T. Christiansen, C. Neuhold. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. P. 19–40.

- DiMaggio, Powell 1991 – The new institutionalism in organizational analysis / ed. by P.J. DiMaggio, W.W. Powell. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. 492 p.
- Graeger 2014 – *Graeger N.* Security. EU – NATO relations: informal cooperation as a common lifestyle // The European Union with(in) international organizations commitment, consistency and effects across time / ed. by A. Orsini. London: Routledge, 2014. P. 157–179.
- Graeger 2016 – *Graeger N.* European security as practice: EU – NATO communities of practice in the making? // European Security. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 478–501.
- Graeger 2017 – *Graeger N.* Grasping the everyday and extraordinary in EU – NATO relations: the added value of practice approaches // European Security. 2017. Vol. 26. No. 3. P. 340–358.
- Graeger, Todd 2015 – *Graeger N., Todd J.* Still a “strategic” EU – NATO partnership? Bridging governance challenges through practical cooperation // Policy Paper. 2015. No. 21. Iss. 123. P. 1–8.
- Hall, Taylor 1996 – *Hall P., Taylor R.S.R.* Political science and the three new institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. Iss. 5. P. 936–957.
- Keohane, Nye 1973 – *Keohane R., Nye J.* Transnational relations and world politics. Cambridge: Harvard University Press, 1973. 460 p.
- Koenig 2018 – *Koenig N.* The EU and NATO: A partnership with a glass ceiling. Istituto Affari Interazionali. EU Global Strategy Watch, 2018. URL: <https://www.aspeninstitute.org/publications/intelligent-defense/> (дата обращения 10.11.2024).
- Krasner 1983 – International regimes / ed. by S. Krasner. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983. 372 p. (Cornell studies in political economy)
- Lipson 1991 – *Lipson C.* Why are some international agreements informal? // International Organization. 1991. Vol. 45. No. 4. P. 495–538.
- Meyer, Rowan 1977 – *Meyer J., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // The American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. No. 2. P. 340–363.
- Walt 1987 – *Walt S.M.* The Origin of alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Yost 2007 – *Yost D.S.* NATO and international organizations. Rome: NATO Defense College, 2007. 190 p. (Forum Papers Series)

References

- Ataev, T. (1973), *SShA, NATO i Turtsiya*, [USA, NATO and Turkey], Progress, Moscow, USSR.
- Batalov, E.Ya. (2016), “New institutionalization of world politics”, *International Trends*, vol. 14, no. 1, pp. 6–25.
- Blagden, D. and Thomson, C. (2018), “A very British national security state: formal and informal institutions in the design of UK security policy”, *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 20, iss. 3, pp. 573–593.

- Borgwardt, C., McKnight Nichols, C. and Nichols Preston, A., eds. (2021), *Rethinking American grand strategy*, Oxford University Press, New York, USA.
- Brie, M. and Stolting, E. (2013), "Formal institutions and informal institutional arrangements", in Christiansen, T. and Neuhold, C., eds., *International handbook on informal governance*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, pp. 19–40.
- DiMaggio, P.J. and Powell, W.W., eds. (1991), *The new institutionalism in organizational analysis*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.
- Graeger, N. (2014), "Security. EU – NATO relations: informal cooperation as a common lifestyle", in Orsini, A., ed., *The European Union with(in) international organizations commitment, consistency and effects across time*, Routledge, London, UK, pp. 157–179.
- Graeger, N. (2016), "European security as practice: EU – NATO communities of practice in the making?", *European Security*, vol. 25, no. 4, pp. 478–501.
- Graeger, N. (2017), "Grasping the everyday and extraordinary in EU – NATO relations: the added value of practice approaches", *European Security*, vol. 26, no. 3, pp. 340–358.
- Graeger, N. and Todd, J. (2015), "Still a 'strategic' EU – NATO partnership? Bridging governance challenges through practical cooperation", *Policy Paper*, no. 21, iss. 123, pp. 1–8.
- Hall, P. and Taylor, R.S.R. (1996), "Political science and the three new institutionalisms", *Political Studies*, vol. 44, iss. 5, pp. 936–957.
- Istomin, I.A. (2021), *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The logic of state behavior in international politics], Nauka, Moscow, Russia.
- Keohane, R., Nye, J. (1973), *Transnational relations and world politics*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Koening, N. (2018), *The EU and NATO: A partnership with a glass ceiling*, Istituto Affari Interazionali, EU Global Strategy Watch, available at: <https://www.aspeninstitute.org/publications/intelligent-defense/> (Accessed 10 Nov. 2024).
- Kozhokin, E.M. (1997), "In search of a new philosophy of security", *Otkrytaya politika*, no. 5, pp. 64–72.
- Krasner, S., ed. (1983), *International regimes*, Cornell University Press, Ithaca, NY, USA.
- Lipson, C. (1991), "Why are some international agreements informal?", *International Organization*, vol. 45, no. 4, pp. 495–538.
- Meyer, J. and Rowan, B. (1977), "Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony", *American Journal of Sociology*, vol. 83, no. 2, pp. 340–363.
- Shveitsler, V.Ya., ed. (2009), *Gosudarstva Al'piiskogo regiona i strany Benilyuks v meynyayushcheysya Evrope* [Alpine and Benelux states in a changing Europe], Ves mir, Moscow, Russia.
- Starkin, S.V. (2013), "EU – NATO cooperation: factors of institutional interaction", *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya "Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii"*, no. 4, pp. 26–32.
- Walt, S.M. (1987), *The Origin of alliances*, Cornell University Press, Ithaca, NY, USA.
- Yost, D.S. (2007), *NATO and international organizations*, NATO Defense College, Rome, Italy. (*Forum Papers Series*)

Информация об авторе

Никита А. Потевский, аспирант, МГИМО Университет, Москва, Россия; 119454, Москва, Россия, пр-кт Вернадского, д. 76; nap11@internet.ru

Information about the author

Nikita A. Potevskii, postgraduate student, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; nap11@internet.ru